

Инга
Максимовская

СУПЕР
САЙЗ

ДВОЙНОЙ УДАР

18+

Инга Васильевна Максимовская

Супер сайз. Двойной удар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67420242

SelfPub; 2022

Аннотация

Семь лет назад я выскочила из торта вместо стриптизерши, а потом проснулась в объятиях чужого мужика. Так себе месть жениху, изменившему мне за неделю до свадьбы! Я хотела забыть это как страшный сон, но нет! На память о моем позоре остались весомые подарочки: парочка хулиганистых детей-близнецов и статус матери-одиночки. Но сегодня моя жизнь изменилась, я стала помощницей великого и ужасного Глеба Седова. У него крутой нрав, приметный шрам на щеке и несносный характер. А еще он отец моих детей, но об этом не знает, да и меня вряд ли помнит. И надо бы бежать, но мне очень нужна эта работа!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Инга Максимовская

Супер сайз. Двойной удар

Пролог

Тогда

Мамочка, милая, дорогая, роди меня обратно. Сделай так, чтобы это был просто сон, и огромный мужик, похожий на мамонта, мне просто мерещился. Боже, у него на голове мои «утяжки» телесного цвета. Ооооо.

Тихо поскуливая я выползла из под волосатой ручки, по хозяйски расположившейся на моем животе, и расплывшись ртутной лужицей, стекла с громадной кровати прямо на пол, молясь всем богам, чтобы мамонт не проснулся.

– Вишенка, деньги за свои услуги сама возьми у меня в кармане пиджака, в кошельке,— пробасил чертов мерзавец, уставившись на меня глазами цвета топленого шоколада. Интересно про какие деньги он ведет речь? – Кстати, я поражен сервисом. Еще никогда в жизни меня не обслуживала невинная овечка. Вы операции там делаете что ли? Тогда цена на услугу слишком мала, детка. Я плачу в два раза больше, возьми с учетом. Ты просто бомба, и в прямом и в переносном смысле. Отвал башки, хотя я и не люблю пухленьких котлеток. И скажи своим начальникам, что в торт, все же,

надо подсаживать красоток размером помельче. Потому что вчера бисквит просто в крошки разлетелся, когда ты появилась из него. И что у меня на голове, черт возьми?

Я замерла на месте от осознания позора и тихо застонала, чувствуя саднящую боль там, где ее никак не должно было быть. Но судя по моим «утяжкам» телесного цвета на голове незнакомого мужика, ооооо... Что же я натворила? И как это вышло? Я же берегла себя, и у меня свадьба через неделю. И совсем не с этим волосатым мерзавцем. Глаза уперлись в бурые пятнышки на простыне, мозг подкинул воспоминания о прошедшей ночи. Тело отзвалось приятным разливающимся по венам огнем, а щеки залила такая краснота, что хоть прикуривай. Я взревела и ломанулась к креслу, в котором валялись мои вещи, в таком виде, словно их вчера топтало стадо диких бизонов.

Да, я вспомнила все, как в фильме со Шварценеггером. И эти знания выбили из меня остатки разума.

– В общем, ты украсила мой мальчишник, пончик. Теперь можно и кольцеваться,— хмыкнул мужлан. Вцепившись огромной пятерней в утяжки на своей голове. Дернул их, и взревел подобно вепрю в период спаривания. Крючки, обеспечивающие удобство носительницы бельишка, запутались в буйно шевелюре мамонта, зато моему взору предстала щека случайного любовника, пересеченная длинным шрамом. Черт, он наверное еще и бандит.

– Мне пора,— вякнула я, на ходу натягивая свое люби-

мое платье, сейчас больше похожее на измочаленную тряпку. Туфля валялась возле двери, отчего то сиротливо одинокая. Слава богу сейчас лето, жара, и я наверняка смогу добежать до канадской границы в неполной экипировке.

Хромая, как раненая кобыла, я пересекла огромный холл дорогой гостинцы, даже не подумав, что если сниму единственную чужаку на каблуке, то бежать станет гораздо удобнее. Меня гнал инстинкт самосохранения и чувство. Которое иначе, как посыпанием головы пеплом, назвать я не могу.

– Эй, детка, – трубный голос, несущийся мне в спину, только придал мне ускорения. – Деньги, ты забыла... Черт.

Пять часов спустя

– Что, правда проснулась с тем громадным качком? – с придыханием спросила Зайка, сквозь прищур рассматривая мою вздрагивающую на стуле фигуру. – И как он? Оооо, ты ему свой цветок подарила?

– Прекрати пожалуйста, – хлюпнула я носом, красиво пустив ноздрями огненно – горячее какао. – Прекрати называть это цветком. И вообще, я сейчас от позора сдохну.

– Так это ты так все время называла свою позорную для двадцати – трехлетней бабы девственность, – кровожадно хмыкнула Заюша, превращаясь наконец – то в самую себя. – Давно пора было. Слава богу, козел этот, женишок твой вовремя себя проявил как вонючее парнокопытное.

Я вздрогнула. События вчерашнего вечера, смазанные

страхом от содеянного, наконец-то расправили в моем мозгу свои ядовитые крылья. На глаза навернулись предательские слезы.

Свадьба. У меня должна была быть свадьба. Через неделю я бы стала женой перспективного юриста, рассталась бы со своим «цветком» мать его за ногу, не вномере дорогого отеля, а в семейном пентхаусе, подаренном нам с Гриней моим любящим папулей, вдруг воспылавшем к брошенной когда — то дочери, отцовской любовью.

А вчера... Черт, черт, черт.

— Я давно говорила, что Гришка твой дерьмодемон,— шумно втянула из чашки эспresso Зайка.

— Да уж,— просипела я, вспомнив стоны жениха, несущиеся из недр моей недвижимости. И дернул же меня черт вчера заехать в будущее семейное гнездо и обнаружить там... Мой несостоявшийся будущий муж стоял на четвереньках посреди обставленного мною с любовью холла, весь в ремнях. А женщина с ногами такой длинны, что у меня закружилась голова, обрабатывала его откляченный зад страшной плеткой.— Он так мычал, как корова. Мычал, полз в мою сторону, представляешь. Зай, как же теперь, свадьба ведь уже назначена? И квартира эта, подарок папин... Меня тошнит, когда я представляю, что туда вернусь хоть на минуту. А еще я мылась сегодня полтора часа, чуть шкуру с себя не содрала. Такая грязь. Представляешь, этот мамонт, он подумал что я... Денег мне за услугу предложил, это же позор.

– А что он еще должен был подумать? Что ты ниспосланный для его уиех ангел? – дернула плечиком Зайка. – Ты как в торте то оказалась, кстати?

Хороший вопрос. Я не помню, как я оказалась в торте. Помню только, как перепутала коридоры, оказалась вместо туалета в какой – то махонькой кухоньке ресторана, в котором отмечала прощание с девичьей свободой, прилегла на кухонный остров и задремала. Проснулась от того, что было темно, у меня затекло тело и жутко воняло ванилью, а я ненавижу этот запах. Казалось, что меня закопали, живой, и от этого началась паническая атака. А потом грохнула музыка. Да так, что показалось, что у меня взорвалась черепная кость. Ну да, именно кость, потому что если бы у меня была черепная коробка, то в ней бы хотя бы присутствовали зачатки мозга. Но, как оказалось, я лишена этого атавизма. От ужаса я подскочила в тесном каземате, впоследствии оказавшимся тортом. Он разлетелся ошметками. В общем, появление мое было крайне эффектным.

– О боже, ты это видела? Скажи, Зай, – простонала я, представив, как выглядела явившись взглядам похотливых распаленных мужиков, явно ожидающих, что из кондитерского кошмара появится шикарная ночная фея размера «бегемот вертящий фуэте».

– Это было шикарно. Ты была похожа на Джен Энистон, ну из того фильма, при Миллеров, – хихикнула подруга.

– Врешь? – прищурилась я.

– Конечно. Знаешь, больше не надевай то синее платье с блестками.

– Я была похожа на самоубившегося синего кита? – тихо вздохнула я. Ответом мне послужило молчание. А молчание, как известно...

Глава 1

Наши дни. Семь лет спустя.

Глеб Седов

– Вы до сих пор не нашли себе замену? – прорычал я, согнувшись в три погибели над скукожившейся пузатой Леночкой. Или нет, она не Леночка? Черт, эту зовут иначе, вроде. Но они все на одно лицо. – Детка, ты не могла обзавестись спиногрызом через полгода? У нас сейчас работы, как в адском пекле. Новую овцу, которая придет к тебе на смену еще надо в курс дела вводить будет.

– Глеб Егорович, никто не хочет идти к вам в помощницы, – пискнула чертова секретутка, выводя меня из себя. Аж искры в глазах полетели. – Даже за те деньги, что вы обещали. Нет ни одного звонка из агентств. Даже по объявлению не звонят. Потому что, в сравнении с должностью вашей помощницы, работа в аду с чертями просто игры в песочнице. Так говорят менеджеры агентств, не мои слова.

– Я такой страшный? – елеинно спросил я, рассматривая идиотку.

– Нет, вы не страшный, вы несносный скот, ну говорят так. Репутация ваша отпугивает потенциальных соискателей, – обморочно пробормотала проклятая поганка. Надо же, у нее еще и голос есть. Нет, надо брать на работу безголосую моль в следующий раз. Синий чулок, задыхающийся от ужаса при

виде хозяина. Таковую, которая пикнуть будет бояться, и того что я ей дам под зад пинком. Таковую, которая собакой верной ходить будет за мной, за сладкую косточку. – И я не стану дорабатывать, написала заявление на увольнение. Мне нельзя нервничать. Муж сказал...

– Вон пошла, – спокойным голосом сказал я. Девка юркой белкой ломанулась к вешалке. Слишком она шустрая для набитой икрой щучки.

– Это. Там одна заявка есть, – уже от двери пролепетала Леночка, или как там ее звали? – Сегодня придет девушка на собеседование, в час дня. Несчастная. Но наверное вам надо присмотреться к этой безумной.

Я зарычал и ухватил со стола тяжелый степлер. Девка пискнула и захлопнула дверь, очень вовремя. Канцелярский предмет с грохотом врезался в деревянное полотно.

Я залпом осушил небольшой графин стоящий на столике, не чувствуя вкуса. В голове гудела турбина реактивного двигателя. Черт, гребаный вялотекущий развод высосал из меня остатки человечности. Но зато до отказа наполнил яростью и ненавистью ко всему миру.

Семь лет брачного ада, даже ангела превратят в рогатого демона (читай козла). Почему я не обратил внимания на знак свыше, и женился таки на стерве Маринке? Когда толстуха вывалилась из торта на моем мальчишнике, ведь мелькнула у меня мысль, что я совершаю ошибку. Точнее эта предательская мыслишка закралась в мою похмельную голову, когда

чертова шлюха оказалась неразвернутой конфеткой. Когда она стонала в моих руках.... Точно, чертова жирная сука виновата в моих бедах. Ненавижу. Если бы она мне попалась, раздавил бы.

От воспоминаний у меня снова начинает сохнуть в глотке, в голове рвутся фейерверки, а в штанах... Мать ее, столько лет прошло, а у меня перед глазами до сих пор стоит закушенная пухлая губка сумасшедшей разрушительницы бутиковых тортов, и родинка в форме мотылька на белом полукружье пухлой груди. Бывает же такое.

В себя меня привел стук в дверь. Точнее, стук в дверь, лишил меня остатков самообладания. Выглядел я сейчас очень экзотично. Стоящий возле шкафа с заветным графинчиком, полным односолодового, с безумным взглядом, вздыбившейся ширинкой и выражением ярости на лице. Маринка в такие моменты меня называла огром, гадина. Я сжал кулаки и глянув на часы прорычал: «Входите».

– Вы рано, час дня наступит только через три минуты, – предъявил я, даже не посмотрев на пришедшую дуру. Обвалился в кресло, и прямо из горла графина сделал глоток вискаря. Баба, появившаяся в моем кабинете выглядела странно, и это мягко говоря. Деловой костюм на полном теле смотрелся, как седло на беременной корове. На лацкане жакета соискательницы, застёгнутом не на ту пуговицу, я рассмотрел белесое пятно. Ну и гигиеническая маска на лице, с изображением ухмылки адского клоуна из произведений

Кинга меня особо порадовала.

– Простите, я учту, – пробухтело это рыжее нечто, одергивая пинжачок, из кармана которого тут же вывалилась пластмассовая разноцветная рогатка. Мне даже интересно стало, откуда явилась сумасшедшая. Кто-то из агентства по трудоустройству явно решил пошутить.

– Вы уже работали на подобной должности? – боже, я ведь даже не должен проводить это собеседование. Я же крутой босс, шеф, начальник. Какого хрена эта курица приперлась сюда? Есть же отдел кадров, мать его.

– Мне сказали, что помощницу вы сами опрашиваете всегда, – глухо пробормотало сквозь маску это странное существо, не сводя с меня взгляда огромных сине – зеленых глаз и явно читая мои мысли. – Нет, я работала учителем в школе. Опыта подобной работы у меня нет, но я быстро учусь.

– Да плевал я, ученица блин, – мой рев ее не испугал, зато она вдруг перевела взгляд на мой шрам, который я усиленно маскирую щетиной, икнула и начала пятиться спиной к двери. Ну уж нет, тупая дура, так просто я не позволю тебе слиться. – И какого лешего ты приперлась в мой кабинет в этой чертовой маске, Гюльчатай, блин. Личико то покажешь?

– Я пожалуй пойду. Спасибо, было приятно... – просипела баба и резко развернувшись метнулась к выходу.

– Стоять, – рявкнул я, и поднявшись с кресла, медленно пошел к замершей в неестественной позе уродине.

– Не подходи, – вякнуло нечто, вытянув вперед изящную

ручку, так не вяжущуюся с бегемочьим телосложением, с зажатой в ней рогаткой. – Предупреждаю, этой штукой я могу завалить роту зулусов – людоедов.

Черт, этот голос. Я его уже слышал где – то. Но где?

– Ой, как страшно, – ухмыльнулся я, и резким движением содрал с лица идиотки тряпочную маску. Уставился на круглую физиономию бабы и заржал в голос. Под носом у толстухи, зеленым маркером, были нарисованы шикарные усы, на подбородке блистала розовая бороденка а ля Армис – подросток. – Место твое. Завтра приступаешь. И костюм почисти, а лучше сожги к хренам. А маску наоборот, носи не снимая. В ней ты больше на человека похожа.

– Это дети. Они только мои, понял? А пиджак в клею, Вовка случайно... Неважно... – простонало существо.

– Клал я из – под хвоста на твоих личинок. Главное, чтоб они не мешали работе. Избавь меня от рассказов об их достижениях. И учти, еще раз ко мне на ты обратишься, я тебя... -. Странная баба боком двинула к выходу, попутно оттирая с пиджака пятно, похожее на плевок. Шустро так, даже не дослушав, что я с ней сделаю, если не будет соблюдать субординацию. Значит бежать решила, чумичка. – И учти, не явишься утром на работу, я приеду и приволоку тебя волоком, как куль с навозом. В кадрах есть твой адрес, ты его указывала в резюме. И кстати, выход из здания в другой стороне, – проорал я ей в спину, бодро скачущую по коридору в направлении офисного туалета. Черт, у меня стойкое чув-

ство, что я уже где – то видел эту идиотку. Но где? И на фиг мне нужна эта докука? Таких, как эта толстая баба на рынке труда по сто баксов пучок приобрести можно. Ладно, потом разберусь. Пока мне нравится как она меня боится. Именно такую я и хотел – бледную моль, затюканную и нищую.

Прасковья.

– Она проснется и тебя убьет, – хихикнул медведь из сна, голосом моей дочери Вари. – Маркер то несмывучий.

– Дура, ты раньше не могла сказать? – пробубнил ему в ответ кто – то из закоулков сонной тьмы Вовкиным мальчишечьим рыком. – Но фломастеры ж твои. Этот вон розовый с блестками вообще. Я скажу, что это ты...

– Не поверит, у нас почерк разный, я бы завитушек побольше навертела И вот тут приклеила бы суперклеем стразиков. Хотя, сегодня вышло красиво. Она похожа на деда теперь, помнишь он там на фотке с усами? – фыркнул медведь, оскалив зубастую пасть. Я судорожно вздохнула и открыла глаза, вываливаясь в реальность из сладких объятий бога Морфея. Послушала торопливо удаляющийся топот ног близнецов, перевела взгляд на часы и взвыла. Черт, проспала. До места, где мне предстоит интервью добираться час, а надо еще собраться. Беспристрастные стрелки яростно стремились к одиннадцати. Я вскочила с кровати и заметалась по комнате. И Зайки еще нет, судя по тому, что меня никто не поднял трубным воем и лекцией о моей лени и безала-

берности. Боже, с кем я оставлю детей? Одних нельзя. Прошлый эксперимент показал, что в квартире обязательно должен быть огнетушитель, заглушки на розетках, как для младенцев и система оповещения земля – воздух, для всех соседей, проживающих в двух соседних подъездах. И это все за пятнадцать минут, пока я со скоростью взмыленной лошади носилась в магазин за молоком. Больше мы не рискуем так.

Я бегом бросилась в ванную. Выдавила на щетку немного пасты, удостоверилась, что это именно пахнущая мятой, освежающая субстанция для чистки зубов. И яростно завозила щетиной по зубам. После того как мне довелось почистить пасть смесью суперклея и краски для волос, предосторожность не лишняя. Зеркала в ванной у меня, кстати тоже нет. Близнецы его уничтожили точечным ударом, выпустив в волшебное стекло найденный где – то кусок гудрона, завернутый в мой паспорт.

– Ма, Зайка пришла, – басом прокричала из-за двери Варюшка. Странно, но она басит, а ее брат Вовка пищит комаром. Где – то видно произошел сбой. Хотя, учитывая как они были зачаты и что их биологический отец был похож на вымершее давно ископаемое, ничего удивительного. – Спрашивает, ты там живая?

– Сравнительно, – пробубнила я, вытирая лицо полотенцем.

Детей я нашла в кухне, жизнерадостно уплетающих невесь откуда взявшиеся ажурные блины. Я и пришла то на

запах. Не знаю, как у Зайки получается из воздуха сотворит волшебство. Я бы за это время успела только разбить яйцо, и то скорее всего на пол.

– Садись, давай, – не поворачивая головы позвала подруга, колдуя над сковородой.

– Я на диете, – уныло выдохнула я, нажимая кнопку на кофемашине. Она задрожала всем корпусом, но мне недосуг было обращать внимание на такую мелочь. – И опаздываю. Зой, может ну его. Учителя сейчас требуются...

– Сто раз говорила, не называй меня Зоей, – завелась красотка, люто ненавидящая свое имя. – Я ж тебя не зову Параскевой, прости господи твою маменьку – затейницу. И костюм надень, тот цвета тиффани. Я знаю, как важно... – начала было Зая, разворачиваясь в мою сторону, но замолчала на полуслове, хрюкнула, и перевернула сковороду на пол. Из под стола тут же, с быстротой молнии, выскочила когтистая лапа, а через секунду раздалось утробное чавканье. Интересно, что это было? Но сейчас у меня не было времени подумать о том, что в моем доме появился несанкционированный постоялец.

– Что? Что у меня, – испуганно спросила я, ощупывая лицо ослабевшими руками. – Прыщ? Обсыпало опять? Я не притрагивалась к авокадо, честно-честно. Но не молчи, мне страшно.

– Мне, если честно, тоже, – хрюкнула Заюша и двинула в прихожую, явно за «сумочкой». Сумочкой она зовет ба-

ул, размером с советский туристический рюкзак, в котором заблудился и пропал не один Тарзан. Ее один раз пытались обокрасть в лифте, но нечастным воришкам было невдомек, что искать гаманок и телефон придется в залежах давно забытых фантиков, платежек и окаменевших магазинных чеков. – Вот, зеркальце,– проорала подруга, выводя меня из состояния гроги в маячащий на горизонте предынфаркт, и сунула мне под нос вполне себе приличное такое, зеркало на ножке, выуженное из «сумочки». Я уставилась в серебряное стекло и едва сдержала вопль.

– Кто? – прорычала Зайка, поворачиваясь к притихшим, но активно жующим моим детям. – Фломастеры те что я подарила? Ну, говорите.

– Нет, нам эти папа принес,– сквозь набитый рот пробурчал Вовка. – Твои фуфло. Сразу отходят, даже если просто водой потереть.

– А папа у нас...? Твою мать, Понька, Гришка опять приползал?

Я понуро промолчала, пытаюсь оттереть с физиономии позорище, ватным тампоном пропитанным спиртом.

– Папа хороший, – поддержала брата Варюшка. Господи, Зайка права, зачем я снова сую свою тупую башку в эту петлю. Этот человек ведь уже предал меня один раз. Значит и второй предаст. И любит он не меня и моих детей, а моего папочку, с которым я, кстати, давно в контрах. Точнее даже не его самого, а будущее, надеюсь не слишком скорое его на-

следство.

– Папа ваш, может и хороший, – хохотнула Зая, отбирая у меня тампон, – даже подозреваю, что он шикарный. Но зовут его не Гриша. Ешьте, давайте.

Я взвыла, когда цепкие лапки подружки вцепились в мой подбородок. Наверняка эта поганка решила содрать с меня кожу. Через десять минут ее работы я глянула в «зеркальце» и увидела демоническую морду, похожую на кусок освеженного недавно мяса. Но бороденка в стиле единорог, и усы зеленого колера никуда не делись. Черт, хорошие фломастеры. Не поспешил Гриша.

– Придется отказаться от собеседования, – вздохнула я уныло, явственно ощутив движение в воздухе, тянущейся к моим детям, костлявой руки голода. Дед у них, конечно, богат, но я давно не принимаю от него подачек. С тех пор как кинула целый ресторан незнакомых мне, но нужных ему, людей, не явившись на собственную свадьбу.

– Ты дура совсем? Тебя и из школы поперли, потому что ты нюня и не умеешь отстаивать свои интересы, – зашипела мне в ухо подруга. Думает не слышат ее дети. Да у них локаторы вместо органов слуха. – Тут денег вагон, работа не пыльная. А в школу Варьку сВовкой как собирать думаешь? Я помогу конечно, Гришка наверняка будет жопу рвать, чтобы доказать какой он душка. И тебе придется выйти за него замуж. Вспомни, детка «Муууу» – Зайка подставила к голове скрюченные пальцы, на манер рог и выпучив глаза замы-

чала. Меня тут же затошнило.

– Но, как с такой мордой я явлюсь устраиваться на работу? – хныкнула я.

– Ща, – громко топая Вовик убежал в прихожую, откуда появился спустя несколько секунд и сунул мне в руки какую – то тряпку. – Это крутяк, ма. Сразу тебя на работу примут, прям без базаров. А костюм... Короче, там мы с Варькой его немного апгрейднули, – отчаянно грассируя сообщил мне сын. Буква «Р» ника не дается моему мальчику. Зато, мне уже стало страшно.

– Что с моим костюмом? – тихо спросила я.

– Да ничего. Он круче стал, – поддержала брата Варечка.

На негнущихся ногах я подошла к шкафу и достала мой любимый пиджак, на лацкан которого щедрыми детскими руками был наклеен огромный бумажный цветок. Я застонала, опустилась на пол и поняла, что плачу.

– Это конец. Сходила на собеседование, – хрюкнула я в колени Зайки.

– Не раскисать. Гуся с таким трудом тебе это место выщарапала. У нас есть полчаса. Успеем добежать до Канадской границы.

Никуда мы не успели. Конечно. Я выскочила из дома за двадцать минут до назначенного часа, на ходу застегивая пуговицы пиджака. Дышать было трудно, чертова маска оказалась очень плотной, за счет принта, который я даже не потрудилась рассмотреть. Шикарный цветок, который Зая без-

жалостно отодрала от пиджака, прилип к моим волосам и пришлось его выстригать. Поэтому на голову мне водрузили какую – то странную шляпу, дабы не пугать предполагаемого работодателя полутифозным видом.

– Ничего, – резюмировала Зайка и выпихнула меня из квартиры. Грохот двери смешался со странным взрывом.

– Иди, это кофемашина рванула. Мы все целы. Твои дети просто в отсек для меленья кофе бросили гипсовые фигурки из набора сделай сам, ничего нового. Иди и покажи им всем... – гаркнула из-за филенки Зайка, повернула ключ, отрезая мне все пути к возвращению домой.

Можете себе представить, в каком состоянии я влетела в шикарное офисное здание, преодолев спринтерскую дистанцию в два километра за пятнадцать минут на голом энтузиазме?

Поэтому, наверное, я ослепла и оглохла и не сразу поняла, кто сидит передо мной в шикарном кресле в кабинете предполагаемого моего начальника. Иначе просто молча бы развернулась и побила бы свой собственный рекорд.

Это был он. Мой самый страшный кошмар из прошлого. Мой позор и мое падение. В кресле сидел Мамонт, нагло меня рассматривал и... Он не узнал меня. И отчего –то этот факт меня страшно обижал.

– Шапку надо снимать в присутствии царя, – ослабился мерзавец, делая глоток прямо из горлышка графина. Черт, он еще и алкаш. Слава богу мои дети родились нормальны-

ми. Я содрала с головы клеенчатую панамку, вывиглазно – желтого цвета. Вспомнила, где ее видела раньше – на плюшевом медведе Варюшки, и застонала. Точнее замычала, – Вы ее у медвежонка Паддингтона свистнули? Головной убор вам маловат. И что у вас с лицом?

Я приросла к полу, так кажется говорят, когда мамонт медленно, словно играя со мной в какую – то странную игру поднялся с кресла и направился ко мне. В ноздри заполз запах зверя. Господи, только бы не свалиться в обморок. А потом провал в памяти. Потому что, когда этот подонок дотронулся своими ручищами до моего лица, у меня видимо отключились все рефлексy.

– Восхитительно, – издевательски заржал Мамонт, содрав с меня маску. – Вы приняты. Мне нравятся бабы не изуродованные интеллектом. Такими легче управлять.

«Не приду. Пусть хоть потоп, геена огненная, содом с гоморой. Никогда» – спасительная мысль помогла мне начать снова дышать. Я метулась к выходу.

Глава 2

Глеб Седов

— Где моя новая помощница?— полупроревел-полупросто-
нал я в селектор, приложив к раскалывающейся голове бутылку с ледяной водой, которая уже начала нагреваться и теперь казалась мне раскаленной. Ночь в компании с приятелем «Джони», не самое здоровое времяпровождение. Но, если бы я не сбежал из собственного дома, который сейчас находится в стадии дележки, то или рехнулся бы, или бы прибил оборзевшую, бывшую уже, все время забываю, кобру. И я бы честно, без этих позорных разборок отдал бы ей этот чертов особняк, который мне и не нравился никогда. Но, во мне разыграло ретивое, после заявления благоверной, черт уже бывшей, что я в этот дом не вложил ничего, кроме моих плебейских денег. Плебейских, мать ее так, на которые она накачала себе сиськи — грелки, задницу, губы и целый шкаф сумок, как две капли воды похожих на торбы нищих совковых челноков. Это клетчатое уродство из кожи молодых телят, стоило мне целое состояние плебейских тугриков. Гадина. От злости горло свело судорогой.

— Ее нет, не пришла,— ответила проклятая кадровичка — тетка без возраста, которую я наверняка, если встречу на улице, не узнаю.— Девушка, определенно, решила, что это место не для нее.

– Галина, как там тебя? – начал заводиться я, предварительно метнув стеклянную бутылку с водой в стену. Но попал в шкаф, который истерично «бздынькнув», осыпался осколками стекла на наборный паркет. Меткий глаз, косые руки, блин. Правильно вчера мне сказал мой бессменный зам. и собутыльник Добби, калдырить надо бросать. Скоро я в ухо себе пальцем не попаду. Зато могу хорошо попасть на бабки.

– Алевтина Павловна, – ровным голосом, поправила меня чертова баба. Уволить что ли ее на хрен? – Глеб Егорович, у вас есть еще какие-то вопросы, пожелания, распоряжения?

– На хрен пошла, быстрым шагом, – рывкнул я, и хотел было отключиться от связи, но во мне все таки выиграло ретивое. – Хотя нет, подожди. Пришли мне адрес тупицы в костюме за три копейки на вайбер.

– Тупицы? – хрюкнул селектор, как мне показалось очень издевательски. Точно дам пендаля под зад этой старой козе. – Мне показалось, что девушка наоборот слишком умна и рассудительна. И костюм у нее был очень известной фирмы, коллекция правда старая, но...

– Я что, сказал, что хочу обсуждать тряпки из секунд хенда с тобой? Или ты решила, что я за наглость медали раздаю? Адрес! – проорал я, и вдавил кнопку на несчастном аппарате с такой силой, что она не выдержала и провалилась в недра пластмассового монстра, приказав долго жить.

«Правда что ли попить вкусных успокоительных таблеток?» – мелькнула крамольная мысль, но тут же была задви-

нута куда – то в недра мозга, сменившись предвкушением развлечения. Я и сам не мог себе объяснить на черта мне сдалась чокнутая толстуха, как ни пытался. Скорее всего. Это просто очередная моя блажь. Но страх в ее глазах, мне очень понравился. Он меня возбудил похлеще силиконовых сисек Маринки и жадного рта моей любовницы, которая уже тоже надоела до оскомины. Да, я хотел сейчас именно видеть это затравленное выражение в зенках толстой мерзавки. Не знаю почему, но мне нужна душа тетки, по глупости припершейся в мой офис. Сама виновата.

Телефон дзынькнул в кармане, оповещая, что адресок кулемы, в шапке содранной с игрушки, уже в моих руках, и это предвещает мне неплохое развлечение. Я поднялся с кресла, чувствуя гудящий в крови азарт, смешанный с возбуждением, которое оказалось даже сильнее сексуального. Эта чертову бабу я согну в бараний рог, высосу до дна, а потом...

Гребаные брюки снова стали мне тесными, а в голове оглушительно загрохотал набат. Я откуда-то знаю эту корову, но вот никак не могу вспомнить откуда. И меня это жутко бесит.

– Глеб Георгиевич, куда едем? – голос водителя Миши привел меня в чувство. Я только сейчас заметил, что даже забыл надеть пальто.

– Ты никуда, – рявкнул я, открывая водительскую дверцу. – Еще раз увижу, что ты смотришь фильмы, вместо работы, уволью.

– Так я все сделал. Скучно же... – проблеял поганец, но я

его уже не слушал. Завел машину, исходя на мыло от злости. Поганец снова оставил ключи в замке зажигания, хотя я сто раз ему категорично запрещал это делать.— Глеб Георгиевич, там...

Я закрыл окно и вдавил педаль газа в пол. Тяжелый джип, скрипнув покрывками по бетону, сорвался с места.

Адрес, забитый мной в навигатор, оказался не какими — то трущобами, вопреки моим ожиданиям. Элитный район, цена на недвижку не заоблачная, но вполне себе приличная. Скорее всего эта толстая дура отжала квартирку у какого нибудь идиота. У нее же дети есть, она кажется сказала. А значит и папаша присутствует. Черт, она наверняка замужем. И муж у нее какойнибудь прилизанный середняк, скорее всего юрист, иначе зачем ей нужна работа? Что ж, тем интереснее.

Меня словно сам бес вел. До места я добрался минуя пробки и красный свет светофора, за десять минут. Припарковал джип в тихом дворе закрытого жилого комплекса, находящегося почти в самом центре города. Охранник, лениво окинул мою тачку рыбьим унылым взглядом и без вопросов пропустил меня на свой объект. Видимо тут свой дресс — код.

— Удачи, под теми окнами не паркуйтесь, а то проблемы будут,— безразлично сказал поганец. Ну конечно, так я и послушался. Интересно, кто мне сможет помешать делать то, что я хочу. Это не получается ни у кого вот уже много — много лет. И пугать проблемами Глеба Седова... Я снова почувствовал, что сейчас меня разорвет от злости, сделал глоток

воды из бутылки, и встал на то место, на которое мне запретил вставать охранник. Что ж, проблемы так проблемы. С превеликим удовольствием...

Я дернул ручку дверцы, собираясь вылезти из машины, но не успел. Что – то с грохотом свалилось на крышу джипа. Моего нового джипа, который я ждал полгода, потому что машину, краску, салон делали на заказ трудолюбивые немцы. Потолок над моей головой вогнулся внутрь а, да так, что я едва успел сползти по сиденью почти на коврик. Я ногой выбил заклинившую дверку и выкатился кубарем на асфальт. Черт. Это наверное покушение. Зря я отказался от Мишани, он натасканный и обученный, не просто шофер, но и профессиональный бодигард. Но кто? Кто решился? Маринка? Кишка тонка. Конкуренты? Найду, и всех урою.

– Я же говорил. Не паркуйтесь здесь, – прокричал охранник комплекса, подбегая ко мне, вцепился в меня мёртвой хваткой и волоком поволок в сторону. – Опасно тут. Говорил же. Ну почему вы все такие упёртые то блин?

– Что это было? – прохрипел я, отталкивая от себя руки поганца, тянущие меня за шкурку, как шелудивого котенка.

– Метеорит, наверное, – ехидно хмыкнул секьюрити. Я наконец смог разглядеть торчащую из крыши моей любимой машины штуковину. – Предупреждал ведь, что вы за люди таки? Но вы же все крутые. Сказал ведь – проблемы будут.

– Что это? – прохрипел я, рассматривая переливающийся всеми цветами радуги булыжник. Розовый в блестках – мне

показался жутко знакомым.

– Вовка, ты совсем что ли? Зайка нас убьет,— раздался сверху трубный бас, я задрал голову и успел заметить детскую мордашку, выглядывающую с балкона последнего этажа.

– Это же ты виновата, — пропищал ей кто — то в ответ.— Я говорил, не надо магический кристалл в маминых колготках свешивать. Говорил не выдержат. Ты меня заставила, все маме расскажу.

– Ябеда, дурак и плакса,— пробубнил ба. Хлопнула дверь, кто — то забарабанил кулаками над головой по стеклу. Наверное ябеду закрыла на балконе басовитая дура.

– Магический кристалл в этот раз, оказывается,— хмыкнул охранник комплекса.— Вы к кому, кстати?

– Наконец то, я уж думал не поинтересуешься,— ехидно хмыкнул я,— ты для какой модели тут сидишь?

– Ща полицию вызову,— насупился поганец.

– Ищу Прасковью Кошкину,— пробухтел я, поднимаясь на ноги, решив не спорить с дураком и лентяем. Да уж, в таком виде явиться к толстухе, это высший пилотаж. Сейчас я был похож на бомжа в драном костюме от Валентино, с грязной физиономией и ссадиной на брови. Глаз, по ощущениям, начал красиво заплывать. Эдак я переплюну ее модный лук.

– Последний этаж, квартира четырнадцать,— вздрогнул охранник, и вроде даже меня перекрестил. — Удачи. Подъезд этот.

На негнущихся ногах я пошел в сторону указанной двери, все еще не понимая, что иду именно туда, откуда на голову мне прилетел магический кристалл. Явно он был очень волшебный, потому что напрочь мне отключил мой конгениальный мозг.

Прасковья

— Ироды, я вас выковыряю оттуда и выдеру ремнем ваши приключенческие задницы,— бесновалась Зая возле двери в детскую. Пока я металась по прихожей, не зная, куда спрятать улику в виде искалеченных колгот.— А ну, впустите, паразиты.

Боже, боже, боже. Я смотрела с балкона на шикарный та-рантас, и казалось, что у меня останавливается сердце. Мелкие диверсанты, которые с самого своего рождения давали мне про... «проходиться», спрятались в своей спальне и вели себя сейчас ну просто ангельски тихо. А это может означать только одно — или они затеяли очередную каверзу или им страшно до одури. Я прижала к груди свои новые колготки, ставшие по воле моих детей лосинами на одну колготину, которые берегла как зеницу ока, всхлипнула и обреченно пошла к двери. Интересно, хозяин джипа сразу меня убьет, или сначала засунет мне «магический кристалл» в... Ну... На таких тачках обычно ездят злые, очень богатые, и совершенно отбитые дядьки — хозяева жизни. Пусть уж сразу, чтоб без мук.

— Ну, чего замерла? — ткнула меня в бок Зайка, судорожно

обтирая руки о кокетливый, весь в рюшах, фартучек. Мой любимый. – Перед смертью не надышишься. Знаешь, в этот раз я все же выдеру этих сорванцов. Если мы выживем, конечно.

Звонок в дверь прозвучал, словно поминальный набат. Я вся скукожилась, мечтая превратиться в амебу и утечь в стыки паркета, куда-нибудь в небытие.

– Может ты откроешь? Скажешь, что мы не причем. Вдруг поверят. Тебе все верят, – простонала я, вытирая нос скользкими колготками, адски воняющими растворителем и керосином. Интересно, где они взяли только горючую смесь?

– Ты, если бы сегодня не закопырилась, пошла бы на новую работу, у нас бы была возможность оплатить ремонт очередного пепелаца, испорченного твоими чатланами. Может этот, тот кто за дверью, согласился бы на рассрочку? И я бы, даже, согласилась принять лютую смерть, как Матросов бы бросилась на амбразуру, ей-богу. Но ты же гордая у нас. Вот иди теперь и разбирайся с охреневшим и разозленным мужиком. Интересно, он шкаф, или интеллигентиска. Если второй вариант, то у нас есть шансы. Чайком его напоим, побазарим по душам. А то может он натурой взять согласиться. И ему приятно и тебе для здоровья. Ты мужика то когда последний раз ощущала?

– Дура. Не знаю какой он, я не рассмотрела, он полз когда, только его зад было видно. Зад ничего так, но я не рассматривала специально. И отвянь со своими глупостями, – вы-

дохнула я обморочно, и привалилась спиной к стене, слушая грохот. Владелец покалеченной машины больше не миндальничая, колотил в мою дверь, явно ногами и рычал, как диплодок, не меньше. Что – то в его рыке мне показалось знакомым.— Меня сейчас вырвет,— проблеяла я и начала сползать по стене на пол.

– Вырвет ее,— сплюнула на пол Зайка,— что этот хмырь себе позволяет? У нас дети, между прочим. Он их зайками поделает, гад. Ну, я ему...

Зайка когда сердится очень страшная. Сейчас ее ярость взяла адский разгон, превращая всегда милую мою подругу в существо из ада. По крайней мере, мне показалось, что в ее глазах горит потустороннее пламя. Страшно захотелось писать, плакать и прятаться. И все это одновременно. Я подползла к двери спальни близнецов, намереваясь защищать свои сокровища до победного конца, от ревущего за дверью ирода. Ничего, что они сами кого хочешь дураками поделают, мои дети. Никому не позволено обижать их. Шушуканье за воротинной мне не понравилось, но я списала свои страхи на мое, сейчас психически – нестабильное, состояние. Господи, что происходит с моей жизнью? Одни стрессы и потрясения. Зайке я не рассказала, почему не пошла сегодня на работу, на которую меня приняли. Она бы измучила меня вопросами. А я пока была не готова признаться, что начальничек, которого мне сосватали любимые подружки и есть тот самый мамонт, что воспользовался моей наивностью. Тот са-

мый наглый подонок, от которого я забеременела. Тот, кого я ненавижу до искр в глазах. Подонок и наглый насильник. Единственное, за что я благодарна этому гаду, так это за то, что теперь у меня есть, ради кого жить. Мои любимые маленькие близнецы.

– Здравствуйте,— донесся до меня ележный голос Заюли. Но меня то этим ее тоном обмануть трудно,— чем могу быть полезна?

– Полезна? – черт, этого не может быть. Не должно быть. Это же... О нет. Только не это. Я сразу же узнала голос Мамонта, Его рык невозможно спутать ни с чем. Интересно, какого хрена он тут делает. Неужели решил исполнить вчерашнее обещание? Ооооо,— Ты мне? Кому ты можешь быть полезна, овца? Где толстая? Как ее там зовут, Параша, Малаша? Передай ей, что я всегда выполняю свои обещания. Отволоку ее в офис, прикую к стулу.

– Вы ошиблись,— надменно произнесла Зайка. Я даже представила, как она смотрит на Мамонта, как на таракана и мысленно ей поаплодировала. Хотя, сейчас, если честно мне хотелось сдохнуть. Пусть бы он волок мой холодный труп.— Параша мы не держим. Ваши влажные фантазии могут исполнить на зоне, где, таким как вы самое место, я думаю. Так что, адьос. Эй, что вы себе позволяете?

– Таким как я, это каким? – ележно поинтересовался Мамонт. – Брутальным и охренительным? А ну отойди.

Я услышала топот ног по паркету, возмущенный вопль

подруги и поняла, что жить мне осталось совсем немного. Привалилась спиной к дереву двери, которая вдруг распахнулась, я ввалилась внутрь детской, от неожиданности упала на спину. Ноги взлетели вверх, чтобы совсем не убиться я растопырила их в стороны, стараясь удержать хоть какой – то баланс.

– Вау, меня ждут,– услышала я радостное ржание подонка. – Да как. Знаешь, толстая, меня еще никогда не встречали так. Раскинув рогатки. Польшен.

– Пли, воздушная тревога, – раздался звонкий голосок Вовки. Я сгруппировалась и попыталась перевернуться на карачки. Что – то огненное, абсолютно нереальное, просвистело над моей головой. Раздался дикий вой, и оглушительный грохот.

– Есть, – пробасила Варюша, склонившись надо мной. – злой гоблин повержен. Вставай, мам, враг убит. Бастионы пали.

– Чем вы его? – икнула Заюша, разглядывая поверженного титана, развалившегося поперек моей прихожей.

– Гипсовым уродцем, ну тем, из набора, который ты нам подарила, – хмыкнул Вовик, размахивая моим чулком. Эдак я скоро голой останусь.– Мы его немного подшаманили, скажи он клевенько полыхнул? Это я придумал, там короче надо...

Надо запретить Заке покупать моим детям подарки. Я словно оглохла. Подползла на карачках к мамонту, не пода-

ющему признаков жизни, обмирая от ужаса. Огненный гипсовый гномик попал ему прямо в лоб, судя по ожогу в центре высокого, наверняка очень умного чела. Господи, только бы он не умер. Мы ж его не закопаем, лося такого. Посадят. Меня посадят. Кто будет воспитывать моих ненормальных детей? Их же даже в детдом не возьмут, побоятся.

– Ну здравствуй, котлетка,– сильные пальцы вцепились в мое плечо, я и пикнуть не успела. Только что умирающий, как мне казалось Седов, уставился на меня злыми, опасными глазами.

–Так ты притворялся, гад, я чуть богу душу от страха не отдала,– пискнула я, дергаясь в лапище проклятого мужика, словно под током.

– Испугалась, что я отдуплюсь? Или за свою дешевую шкурку? Твои личинки сатаны уничтожили мою коллекционную тачку. Так что, как платить будешь? Натурой не возму, больно уж ты на любителя.

– Сволочь,– всхлипнула я, слушая движения моих детей за спиной, и очень надеюсь, что они пожалеют свою мать и больше не нанесут атаки с воздуха. Побоятся задеть.– На фи-га ты приехал.

– Я тебя предупреждал, что ненавижу фамиллярностей, пончик. А еще говорил, что не люблю, когда меня кидают. Так что не обижайся. Торчишь ты мне, сейчас, где – то лям зеленыю. Квартира твоя столько не стоит. Да и почки зажившие наверняка. Даже если ты своих спиногрызов распро-

дашь на органы...

— Чего вы хотите,— обреченно выдохнула я, уже понимая, куда ведет этот мерзавец.

— Будешь работать на меня. А я обещаю тебе веселенькие денечки,— кровожадно ухмыльнулся Мамонт, раззявив разбитые в кровь губы.

— А если нет?

— Тогда твоя толстая задница проведет лучшие годы своей жизни у параша, за покушение на мою жизнь. Твои личиносы научатся курить в интернате для трудных детей, а подружка сдохнет от голода, потому что я сделаю все, что в моих силах, чтобы лишить ее всего. У меня есть такие возможности. Ее даже не возьмут уборщицей в общественный туалет. Веришь?

— Мам, ты в порядке? — голосок Вовки вывел меня из состояния гроги.

— Я согласна,— прорыдала я, зная, что в ближайшие несколько лет моя жизнь станет настоящим адом.

— Тогда первое задание тебе, крошка,— сузил глаза этот коварный тип, гражданской наружности.

Глава 3

Глеб Седов

Мне нравится упрямство в ее глазах, и этот страх ее так вкусно пахнет. Настолько, что я забыл о пробитой «волшебным кристаллом» крыше моей машины и о дуре – Маринке, и о том, что валяюсь на полу прихожей, наверняка затоптанном, потому что эта толстая наверняка неповоротливая волоха.

– Я согласна,– вредно буркнула эта дурында, конечно же понимая, что подписывает себе приговор. Буркнула, сморщила свой нос вздернутый, покрытый веснушками, и отползла куда – то в сторону. Мне показалось, что сейчас она мечтает только об одном – придушить меня, закончить начатое ее личинками уничтожение миллиардера Седова. Хотя, наверняка эти поганые мыслишки и бродят в ее пустой головенке.

– Тогда, первое задание, пончик,– попытался оскалиться я, надеясь, что выгляжу все так же грубально, как до того, когда меня вырубили два мелких гоблинёнка, несмотря на рваный костюм и в целом непрезентабельный вид – Сними с себя этот уродский халат, у меня кружится голова от созерцания красоты. Где ты нашла такое великолепие? Наверняка с цыганами дралась, чтобы урвать тряпку.

– Зай, принеси кусок мяса из морозилки, у нашего гостя

параноидальный бред, – простонала толстуха, обращаясь к лупоглазой бабе, которая впустила меня в этот филиал преисподней. – А вы, быстро в свою комнату. Сгною в углу, – пообещала она двум детишкам, смиренно разглядывающим поверженного меня, дело рук своих. От взглядов двух пар любопытных детских глаз, вот клянусь, меня морозить начало.

– Мясо зачем, ты решила меня забить до смерти мороженой говядиной?

– Я решила приложить лед к вашей шишке, которая скоро пробьет мой потолок. Ну и в целом, может от льда ваш воспаленно – извращенный мозг встанет на место, – сверкнула глазами эта, как ее... Параша, вроде, или Малаша. – И халат не сниму, хоть на куски режьте. Тут все таки дети. Да и вообще, я не такая.

– Я жду трамвая... Ты дура? – приподнял я бровь и едва не взвыл от боли. – Я уже говорил, не обольщайся, я не люблю сало. Просто цвет твоего шлафрока, убийственно влияет на мое мировосприятие. А дети твои, страшнее чумы. И их двое? Как только ты умудрилась выдавить из себя сразу двух Оменов?

– Это фуксия, – вредно вякнуло чертово отродье, запахивая на, очень даже аппетитной, груди гадскую тряпку, от которой у меня вот-вот пойдет кровь из глаз. – Мой любимый цвет. А мои дети – близнецы. Такое случается. Особенно если их биологический отец...

Я устоялся на двух детишек, перешептывающихся между собой, как мне лично показалось, зловеще. Близнецы? Мальчишка абсолютно точно похож на Парашу, или Малашу, как ее там черт зовут, но не на свою сестру. Тот же нос вздернутый, губы, похожие на розовые лепестки. Рыжий, как морковка, и веснушчатый. Девочка у толстухи получилась лучше, ей-богу. Не знаю, кто ее отец, но из малышки вырастет настоящая красотка. И пятно в волосах у нее... Черт, у меня почти такое же, только чуть темнее, чем у мелкого исчадья.

— Что-то не похожи твои близнецы... — хмыкнул я, и добавил,— на людей. Ты рожала их от демона?

— Точно, козлорогого единорога с манией величия,— скривила губы плюшка.— Вы даже не представляете, насколько близки к истине.

— Мы разнаяйцевые,— угрожающим басом, прогремел над моей головой голос мелкой девчонки. И если честно, у меня поджалось все внутри. От какого — то сверхъестественного предчувствия не пойми чего.— Вовка, давай объясним дяденьке, что это значит.

— Я велела идти в угол,— спокойным голосом приказала толстая, и в глазах исчадий мелькнула искра повиновения. Интересно, как у этой рохли получилось приручить дьяволят? Ну ничего, мне будет еще интереснее, потому что согнуть железную леди гораздо приятнее, чем измываться над нюней. — Я сама объясню дяденьке, что значит разнаяйцевые. А вас ждет наказание страшное.

– Только не бросай нас в терновый куст, – пискляво хмыкнул мальчишка. – Дядь, а можно мы наш «магический кристалл» заберем? Мы еще не закончили эксперименты.

Я содрогнулся в очередной раз, представив, что еще могут придумать два мелких монстра в своих изысканиях. Но этим аспидам показывать страх нельзя. Уж я точно знаю. Точнее, помню. В семь лет я взорвал материну стиральную машину, пытаясь из булыжника и ведра жидкой смолы, скомунизженной у дорожников, создать философский камень. Пробитая крыша машины ничто, в сравнении с разрушенной кухней и обвалившимся потолком. Что – то мне подсказывает, что эти двое в конгломерате, гораздо страшнее меня семилетнего.

– Нет, – прорычал я, вскакивая на ноги. – Теперь кристалл мой. И ваша мать тоже, ясно?

– Мать наша, вашей стать не может, – выпятила упрямы подбородок девчонка. – Знаете, вы похожи на орка. «Мой кристалл, мой» – передразнила меня басом мелкая нахалка.

– Так, все, – наконец отмерла лупоглазая, отлепляясь от стены. Схватила за уши монстров, и утащила их куда – то в недра квартиры. Что меня в общем порадовало.

– Завтра жду вас в семь утра. Попробуйте опоздать, Параша, – прошептал, склонившись к обмершей бабе. Вложил в свой голос все свое обаяние, почти промурлыкал, с удовольствием глядя на вздымающуюся полную грудь дурищи. – И бога ради, я хочу, чтобы вы не были похожи на кусок единорожьего го... Ну вы поняли. Дресс – код стандартный, офис-

ный. Прическу приведите в порядок, вы похожи на тифозницу. И еще, сделайте так, чтобы я не слышал про ваших антихристов. Никогда. Я ясно обрисовал ситуацию? Кстати, желтую шляпу тоже в топку.

– Более чем, – всхлипнула котлетка. Черт, откуда у меня в мозгу всплыло это сравнение? – но меня зовут не Параша. Я Прасковья.

– Мне по барабану, – оскалился я. Девка злится. Прекрасно, замечательно. – Тебя будут звать, так как я хочу. Кстати, я буду великодушен. Зарплату ты все же будешь получать. Долг буду списывать из премий и за услуги определенного рода.

– Обрыбишься, – вспыхнула щеками Прасковья. Имя красивое, Паня, значит. Ну – ну. Злючка, ноздри раздувает. А она не такая уж и страшная. – Мы про услуги не договаривались.

– Ах ты, маленькая извращенка, – наслаждаясь ее эмоциями хмыкнул я, склонившись к пунцовому маленькому уху моей жертвы. – Я имел в виду сверхурочные и работу в выходные. А ты о чем подумала, пухлая ты бесстыдница?

– Об сверхурочных и подумала, – жалко пролепетала Паня. Все же я смог ее вывести из равновесия.

– Да, а мне показалось... Сиськи у тебя, кстати, ничего такие, – ухмыльнулся я, выпуская ее из зоны своего влияния. – Я подумаю над твоим предложением.

– Вы скот, – хрипло и зло выплюнула Параша.

– Это я уже слышал не однажды. Ничего нового,— нервно хмыкнул и пошел к двери, не оглядываясь. — Завтра в семь. Не опаздывай, котлетка. Иначе накажу. У меня в шкафу лежит плетка, которой я порю нерадивых сотрудников.

– Когда я вырасту, у меня тоже сиськи вырастут,— донесся из мрака квартиры басовитый шепот. Подслушивали, значит эти личинки сатаны. Они мне не понравились, от слова совсем. Но девчонка показалась мне жутко знакомой. Отмахнувшись от идиотских мыслей я зашел в лифт, нажал на кнопку партера и...

Прасковья

– Мам, там это, ну...— я вздрогнула, и наконец отвела взгляд от захлопнувшейся за мамонтом двери.

– Вов, давай позже, — вздохнула я, сделала шаг в сторону кухни и обмерла на месте от жуткого, сверхъестественного воя, несущегося из коридора. Звук холодил кровь в венах. Вовка взял резукий старт, но я успела ухватить ешо за шиворот. Долгие годы тренировок все же сделали меня супер — женщиной. Но так и не смогли сделать строгой матерью.

– Ты сказала, позже,— напомнил барахтающийся в моих цепких ручонках отпрыск.— Да ничего ему не будет, дядьке этому. Ну, почти ничего. Мы с Вареником там кнопку первого этажа немного усовершенствовали. Чутка, и чего так орет он. Наш охранник и то смелее оказывается.

Я больше не слушала сына, выскочила в подъезд и бегом ломанулась по ступеням вниз.

Мой новый начальник сидел на ступенях, и сначала я не узнала в ужасном гуманоиде цвета первой майской зелени, самоуверенного и хамоватого красавца. Слишком растеряно существо, сидящее на лестнице трясло головой и терло, отчего – то, слишком красные глаза. И не могла же краска так изменить Глеба Егоровича. Что – то я не помню, чтобы у чертова гада веки были как у страшилища Вия, да и губы ...

– Это просто краска,– вякнула я, и тут же заткнулась, потому что взгляд налитой кровью уперся мне куда – то в район переносицы, и если бы можно было убивать таким вот взглядом, я бы уже валялась у ног Седова холодным трупом.

– Вам даже идет,– раздался за моей спиной басок любимой дочери, значит и Вовка где – то рядом.– Вы похожи на супер – Халка. Вон, даже уши выросли. Красота.

– А по моему на Шрека,– пискнул Вовасик. Господи, когданибудь я сойду с ума. Скорее бы уж. Хоть бы, хоть бы. Может тогда не будет так страшно и сложно жить.

– Кто? – прорычал Шреко – Халк, с такой яростью, что у меня ослабли ноги. – Порву. На одну ногу встану, за другую дерну.

– И чего так нервничать? – дернула плечиком Варя,– краска смывается через три дня, и все. Она не токсичная, мы проверяли на охраннике. Зелень сошла почти уже у него. Зато...

– Господи, замолчи,– простонала я, закрывая дочь и сына своим телом.– Глеб, простите, это же дети.

– Дети? Это не дети. Это... Надо было ноги уносить сра-

зу, не поднимаясь к вам. Но кто же знал... Слушай, это же ты моя жертва. Так рочему я чувствую... – хрюкнул мамонт, потер пальцами зеленую физиономию, на которой стремительно начали появляться огромные красные волдыри. Боже, он ведь аллергик, краска китайская, сто пудово, значит сейчас...

Я не успела додумать. Седов вдруг захрипел и начал оседать на пол. Я метнулась к нему, пытаюсь понять, что делать с огромной тушей мужика, задыхающегося прямо у меня на глазах.

– Лопаты у нас маленькие, – прошептал Вовик, – не закопаем. Ма, я за Заей.

Его слова меня встряхнули. Я бросилась к умирающему от анафилактического шока здоровяку, действуя молча, деловито и хладнокровно. Но это я так думала, потому что Зайка мне потом уже скажет, что орала я, как бензопила «Дружба». Упала на колени перед мамонтом, с силой дернула рубаху на его груди. Мелкие пуговицы с дробным стуком разлетелись по небольшому холлу первого этажа. Дотронулась пальцами до мускулистого торса и поняла, что делаю совсем не то что нужно. Черт, руки словно током шибануло, а в голове начали рваться фейерверки.

– Ноги надо приподнять ему, – подсказала Варюшка. Надо будет потом разобраться, откуда такие познания у семилетней девочки. Ну хоть отвлекла меня от моих крамольных мыслей и слишком горячих воспоминаний, которые опусти-

лись кда – то в низ живота. Боже, что происходит то с моей дурацкой жизнью? – Пойду и я, Зайку потороплю. Вовку только за смертью посылать.

Я подползла к огромным копытам умирающего начальника, обутым в шикарные ботинки сорок пятого размера и попыталась их приподнять от пола. Седов снова захрипел и задергал конечностями. Ноги оказались каменно тяжелыми. Пыхтя и отдуваясь, я перекатила окромную тушу по полу и взгромодила ноги мамнота на ступеньку. Черт, где же Зая?

– Эй, вы меня слышите?– прошептала прямо в ухо затихшего Седова. Господи, пусть он будет жив. Склонилась к его губам. Так ведь, кажется проверяют, жив человек или нет. Глаза несчастного, прикрытые, двигались под веками. Но что это означает, я даже примерно не представляла. – Сейчас, я вам помогу. Только дышите.

Зажала нос мамонта пальцами, другой рукой дернула вниз мужественный подбородок, чтобы приоткрыть его рот, вспомнив уроки ОБЖ в школе. Набрала воздуха полную грудь.

– О, да, детка,– тяжелая рука ухватила меня за затылок. Я не удержала равновесия и рухнула на чертова мерзавца, и так неудачно, прямо ртом своим на его губы. Забарахталась, пытаюсь вырваться из захвата гадского пупырчатого Халка.– Ты вернула меня к жизни, толстая фея – крестная. И теперь я готов к подвигам. Хотя нет, к таким не готов. Еще раз повторяю, меня не интересуют жиры, только белки и углеводы.

– Пусти, придурок. – вякнула я, но только еще больше раззадорила монстра. – Извращуга чертов. Я тебя...

– Теперь на тебе и твоих детишках еще тпокушение на убийство, плюс попытка изнасилования, – заржал подонок. – Ты не расплатишься со мной, котлетка. Слушай, а мы раньше не встречались? – вдруг совершенно нормально спросил мамонт. – У меня дежа вю. Я точно помню... Нет, наверное это просто...

– Я тут, – проорала над нашими головами Зайка и с размаху всадила в Седова шприц. Он взвыл от неожиданности и разжал свой адский захват. Почувствовав свободу я бодро отползла в сторону.

– Что это было, мать вашу? Укол? Ты мне сделала укол? – проревел храбрый бегемот, явно страшно боящийся иголок, начиная бледнеть даже под зеленой краской.

– Да, адреналин. Помогает при аллергии. Он у нас дома всегда наготове, – радостно проорала Зайка. – Ты чего, уколов боишься что ли? Надо же, такой большой мальчик.

– Еще чего, – фыркнул мамонт. – Я ничего не боюсь. И никого. Уясните.

– А зря, – глубокомысленно прошептала Зайка, бросив взгляд на двух близнецов, стоящих с видом паинек у лифта.

– А чего вы это тут делали? – поинтересовался Вовочка, голосом зайньки-рыбоньки, так всегда говорит Заюля, которую не обмануть таким тоном. – Мам, вы боролись, что ли? Я тебя приемчику одному научи, шаолиньскому...

– Я провожу вас до машины. Вы можете ехать самостоятельно? – спросила я у ошалевшего от дурдома, в котором я живу вот уже семь лет, мамонта.

– Я сам. Слушай, а ты торты любишь?

– Чем вызван вопрос? – у меня сердце в груди замерло. Неужели вспомнил?

– Я ненавижу. И толстых шлюх в синих платьях тоже. У тебя ведь нет синего платья? – выдохнул Седов и медленно заковылял к выходу из подъезда. – Не опаздывай, у нас завтра столько планов, будет весело, обещаю, – не поворачиваясь пообещал он, ногой вышибая подъездную дверь.

– Нету, синий цвет меня полнит потом целых девять месяцев, – прошептала я так тихо, чтобы этот мерзавец не услышал. Хотя мне хотелось плакать и биться головой в стену.

– Ухайдокали мужика, – вздохнула Зая, проводив жалостливым взглядом мамонта. – Хороший ведь мужик то, дурной только. Пойдемте домой, чай пить что – ли.

– Чай из жестяной банки? – поинтересовалась Варя. – Не, этот чай суперский. Это для маминого начальника. Ма, завтра возьми коробку, может он тебя простит и ругать не станет, чайку отведавши. Подлижешься к дядьке.

– Хорошо, – погладила я по голове мою заботливую доченьку. Все таки они у меня замечательные. А то, что проказливые, так дети же. Ну не бывают семилетки послушными. Это противоестественно.

– Я тебе в сумку положу, – радостно хихикнула доча.

Глава 4

Глеб Седов

Она не опоздала. Пришла даже раньше. Я нашел ее сидящей на подоконнике возле моего кабинета, за обе щеки уплетающей булку и смотрящей что – то смешное в телефоне, судя по радостному похрюкиванию.

– Что смотрите? Надеюсь какой – то блог о том, как правильно воспитывать трольчат? – гаркнул я, подкравшись к это дурище со сапины. Она вздрогнула, и чуть не свалилась с подоконника.

– Вы задержались,– обожгла меня толстая недовольным взглядом, как – то стыдливо запихнув остатки выпечки в дурацкую сумку в форме собачки.– Это неприемлемо.

– Я проспал. Угадайте почему? Может потому, что всю ночь я пытался отчистить с физиономии чертову краску, запивая свою горечь тоннами противоаллергических таблеток? Или потому, что у меня страшно болела голова, а ожог на лбу чесался и свербел? Ой, нет, наверное это...

– Я вас поняла,– прекратила поток моего словоблудия Параша, – вы никогда не признаете вины. Это говорит о вашем эгоцентризме. Повышенной самооценке и переоцененности собственного Я.

– Это говорит о том, что я терпеть не могу зазнаек, считающих себя знатоками моей души,– прорычал я прямо в лицо

спесивицы, сдув с ее подбородка крошки от булки.

– Вам идет зеленый цвет, он выдает вашу сущность,– хмыкнула эта нахалка, вытерев губы тыльной стороной ладошки. Легко соскочила на пол и оценивающе уставилась на мою физиономию. – Отвечая на вопрос – я смотрела мультитик про злого зеленого великана, живущего на болоте. Он мне показался более симпатичным чем вы. Так что, где мое рабочее место?

– У него был осел, кажется. Так вот, не находите, что это очень напоминает наш тандем?

– Вы зло в чистом виде,– чертова мерзавка прикусила губку, и мне пришлось прикрыть пах портфелем, чтобы не оконфузиться.

– А вы ослица. В таком виде, в каком вы явились в здание моего концерна, ваше место в чулане под лестницей. Вы специально вырядились как пугало? Даже великаний осел выглядел презентабельнее, – хохотнул ехидно, с радостью отметив, что толстуха стыдливо одернула дурацкую монашескую юбчонку, доходящую до середины икр. А ножки у нее стройные, и легкая полнота их совсем не портит. И коленки наверняка округлые и трогательные.

– Этот костюм я купила в Париже,– вякнула моя жертва, как – то скукожившись и растеряв все свое нахальство.

– Париж – есть такое село, где – то под Челябинском. Ты летала туда на метле?

– На драконе, в тон мне ответила эта мерзавка.

– Не морочь мне голову, Параша, у нас полно дел. Через час встреча с турками, они по-русски ни бе, ни ме, ни кукареку. А мой толмач вчера упал с крыши и сломал пятки. И что – то мне подсказывает, что все беды обрушились на меня после знакомства с тобой.

– Я работала учителем английского языка.

– Ты полна сюрпризов, крошка, – радостно гоготнул я, схватил дурищу за плечи и... Черт, я ее поцеловал в нос. Зачем? Видно огненный гипсовый гном повредил что – то в лобных долях моего гипер мозга. – А теперь за работу. Освоишься, чаю мне сделай. Я пью без сахара, но с молоком, – приказал, замершей с выпученными глазюками Прасковье. Она и слова не сказала, просто молча зашла за мной в кабинет, как коза на веревке.

Оставив девку обживать приемную, я вломился в свой кабинет, прижимая свой портфель к позорно топорщащимся брюкам. Чертова баба, как-то странно действует на мой организм. На хрена я ее в нос чмокнул? В кармане зазвонил мобильник, я достал телефон, глянул на экран и силой заставил себя ответить.

– Ты не явился на суд, – впился мне в ухо капризный голосок, бывшей уже, жenuшки. – Детский сад «Половичок», Глеб. Это переходит все границы.

– О границах ты расскажи своему тренеру, или садовнику, или твои трубы теперь трубочист прочищает. Я сбился, детка, с кем ты сейчас трахаешься. Но, точно знаю, что с кем

– то из obsługi. А знаешь почему, потому что ты сама челядь,– плюнул я огнем, и со злости воткнул в полированную столешницу красного дерева позолоченный нож, для бумаг, подаренный мне партнерами из Японии. Придурки, мать их, нашли что презентовать.

– А ты, ты...– не нашлась что ответить Маринка.

– Жопой нюхаю цветы, с трех метровой высоты,– заржал я, представив, как явился бы на заседание бракоразводного процесса с зеленой, пупырчатой мордой. Вот бы моя благоверная курва порадовалась.– Иди в пень, дорогая.

– Я тебя без штанов оставлю. –рявкнула силиконовая долина. – Голым в Африку пушу.

– Я брезгую, детка, без штанов рядом с тобой находиться. Подцепить можно болячку срамную. Ты хотела то чего?

– Хотела сказать, что ты мудозвон.

Дверь распахнулась и на пороге появилась толстая с подносом. Вид у нее при этом был боевой и сосредоточенный.

– На этой прекрасной ноте предлагаю закончить,– хмыкнул я и нажал кнопку сброса, больше не слушая исходящую на мыло супругу. Бывшую, черт. Уже бывшую. Все никак не привыкну. И виновата во всем толстая шлюха из торта, хоть бы она загнулась от триппера, мать ее. Если бы эта корова не сбежала, я бы точно не попал на собственную свадьбу, потому что... Черт. По кабинету поплыл восхитительный, незнакомый мне аромат. У меня аж слюна выделилась, и едва не закапала рубашку.

– Ваш чай, – фыркнула Параша, ставя передо мной исходящую паром чашечку из костяного фарфора. Не помню, чтоб у меня в офисе водилась подобная посуда.

– Пахнет ошеломительно, – мурлыкнул я, принюхиваясь к напитку, словно голодная овчарка.

– Я просто решила принести вам свои извинения за вчерашнее. Ну и вот, собственно ... – зарделся мой пугливый пончик. – Этот чай мой отец привез из Китая. Любимый чай императора. Так он сказал.

– А знаете, Параша...

– Прасковья, – тихо поправила меня жертва. Хотя, сегодня я благодушествую, но напряжение в ее взгляде просто можно потрогать. Неужели я такой страшный?

– Хорошо, Параша, так вот. А испейте со мной чайку, не люблю я один предаваться восторженному кревоугодию, – хмыкнул я, наслаждаясь своей властью над дурындой.

– Я больше кофе люблю. – пискнуло это странное существо.

– Ну, кофию себе накапайте, машина же есть в офисе. И сюда приходите его пить. Я не люблю пить в одиночестве. А еще, мне нравится, как вы меня боитесь, – царственно махнул я ей рукой.

– Вы бы мне еще испить из вашего кубка предложили, – сузила свои зенки мерзавка. Я сделал глоток и откинулся на спинку кресла наслаждаясь восхитительным вкусом напитка. Чай действительно оказался выше всяких похвал. – Я вы-

пью кофе на своем рабочем месте.

– Поторопитесь, через десять минут у нас выезд. Турки народ въедливый, ждать не любят. И еще ненавидят, когда переводчик дрянь, так что разминайте булки. Если нас поимеют, благодаря вашему «Презент перфекту» я вас колесую. Кстати, за чай спасибо, давненько не пил я подобного.

– Это Варюшка передала,– ответила поганка, но я даже и внимания не обратил на ее последние слова.– Им стыдно, что они вас... ну это...

– Я кажется велел вам не упоминать демонов всуе, в моем присутствии. Идите готовьтесь, и пуговку на груди растегните. Турки любят баб размером с БТР, которым как – раз хулахуп. Так что у вас есть шанс захомутать себе какогонибудь Махмуда,– ехидству в моем голосе позавидовала бы сама ехидна, но мне отчего – то стало противно, когда я представил, что чертовы маслиноглазые, будут смотреть на Парашу, как на племенную кобылу.

– Вы все таки скот, – выдохнула девка, и умелась из моего кабинета, со скоростью кометы.

– Выпорю, – проорал я вслед, и одним глотком осушил чашечку – наперсток. Настроение поднялось до небес. Осталось заключить этот проклятый договор, который я мучаю уже полгода, и жизнь можно считать прекрасной и восхитительной.

Прасковья

Мамонт сегодня явно благодушествовал, даже похвалил

меня за чай, котрый Варюшка заботливо подложила в сумку своей глупой непутевой матери, и не наорал за то, что я на пять минут задержала наш выезд, из – за своей невнимательности. Забыла папку с важными документами и пришлось вернуться в офис. Это обнадеживает. Может все не так уж и страшно. Вот через месяц вернется отец из Катара, в который уехал отдцать с очередной своей обоже и освободит меня от этого позорного рабства. Я даже поступлюсь своими принципами и приму его помощь. Короче, месяц – это не так уж и долго. А потом... А потом я просто снова буду жить как жила. Влачить дурацкое существование без потрясений и моральных терзаний. И дети мои – только мои.

– Куда это ты намылилась пончик? – выбил из меня спокойствие наглый, насмешливый голос. – Я босс, и езжу на командирском сиденье.

– Где?

– Сзади, куколка. Не гоже царю руль то вертеть.

– А вчера...

– Вчера я был расстроен, – хмыкнул мерзавец, окатив меня полным ехидства взглядом. – Потому что меня кинула дура в дурацкой медвежьей шляпе. А я этого не люблю. Садись рядом. Моя помощница должна всегда быть рядом, чтобы исполнять любую потребность монаршьего организма. Ан-дестенд?

– Мы, кажется, про потребности еще вчера все обсудили, – вякнула я и замерла у дверцы, как истуканка, ожидая, что

мамонт, как порядочный мужчина откроет ее передо мной.

– И я тебе вчера объяснил – не мечтай. Я даже в детстве не играл в танки,– заржал поганец, открыл дверцу и свалился на шикарное кожаное сиденье, даже не подумав проявить галантность.– Чего ждешь? Мы опоздаем. Оббеги тачку и сядь с другой стороны. Тебе полезно двигаться. Ау, мы опаздываем. Как ты в школе с такой замедленной реакцией то работала, ума не приложу.

Поскуливая от позора, я послушно двинулась вперед. Уж лучше рядом с водителем ехать, и не видеть самодовольную морду самодура – босса.

– Эй, я велел сидеть рядом со мной,– ударил мне в спину выкрик.– Быстро села сзади. Терпеть не люблю непокорных баб.

Я кое-как уселась рядом, стараясь как можно больше увеличить расстояние между нами.

– Да расслабься, никто не посягает на твою честь,– пробурчал Седов, и развалился на сиденьи, наслаждаясь моей паникой. Сдвинулся в мою сторону, наблюдая за реакцией с моей стороны. Она ему определенно понравилась, потому что я вжалась в дверцу, очень мечтая просто выскочить на улицу.

– Ты бы предпочла бежать за машиной, лишь бы рядом со мной не сидеть, – промурлыкал этот огромный хищник.– Как рыцарский слуга, за господином? А, Параша?

– Прасковья,– стараясь не дышать ароматом распаленно-

го самца, выдохнула я.— Меня зовут Прасковья. Постарайтесь запомнить. Я понимаю, что вам это трудно, оперативка маленькая. Но все же, нельзя уж совсем так себя запускать. Гинко попейте, это полезно не только для мозга.

— А то что, проклянешь меня? Ты меня утомила, короче. Языком метешь, как метлой машешь, — сузил глаза Мамонт, придвинувшись ко мне опасно близко. Настолько, что я почувствовала его огненное тепло, пышущее через ткань шикарного костюма, цвета стали. Он оттеняет его глаза. Черт, что за идиотские мысли, и почему мне трудно дышать?

— Вы страшный выдумщик.— вздохнула я.— Кроме того. Я сама проклятая, а это значит, что ...

— Приехали,— хмыкнул Глеб Егорович, перебивая мою идиотскую речь, выданную поплывшим мозгом. Господи...

Лимузин остановился возле самого дорогого ресторана города, и теперь я жутко жалела о выборе костюма. Слишком пафосное заведение. Я буду выглядеть в нем чернавкой, если меня вообще пропустит фейс-контроль в слишком пафосную харчевню для толстосумов.

— Прибыли. Параша, ты меня начинаешь разочаровывать,— поморщился Седов и мне показалось, что выглядит он как — то неважно.— Ты медлительна, туго соображаешь и совершенно не умеешь одеваться. Надеюсь, что хоть с языком ты справишься.

— На что вы опять намекаете? — тупо спросила я. Черт, ну как у него так получается, делать из меня круглую дуру.

– На то, что, твой английский, хотя бы, не такой ограниченный, как спекшийся орех в твоей черепушке. Вытряхивайся из машины, в конце – концов. Мы заставляем турков ждать. Ох...

– Вам плохо? – напряглась я, прислушиваясь к громкому бурчанию живота новоиспеченного шефа.

– Мне хорошо, – зло рявкнул мамонт, открывая дверцу лимузина. Но выглядел он сейчас прямо вот вообще не ахти. – А будет еще лучше, если вы, наконец, перестанете идиотничать. Ну...

Я послушно начала выбираться со своей стороны, но загнулась о бордюр, и полетела вперед. Выставила вперед руки, понимая, что падение неизбежно. Чертов водитель Седова припарковал низкий лимузин слишком близко к поребрику, не удивлюсь если специально, и это очередной коварный план моего мучителя.

«Конец колготкам» – успела подумать я, прежде чем приземлиться на четвереньки, став похожей на огромную толстую собаку, всхлипнула от боли в разодранных конечностях. И от позора, потому что меня вдруг оторвало от земли, и я зависла в воздухе, как паршивый котенок.

– Вы это на зло? – приподнятая бровь начальника явно не означала сейчас ничего хорошего. – Господи, что обо мне подумают партнеры, когда я явлюсь на деловой обед с существом больным асфальтной болезнью в последней стадии. Решат, что я жлоб и крохобор, увидев вашу потрепанную

персону, Параша. Вы знаете, это имя идет вам несказанно.

– Я Прасковья,– вякнула я, наконец почувствовав ступнями земную твердь. Проклятый мамонт разжал руку и снова охнул, издав при этом странные звуки, похожие на гул турбо – реактора.– Вы, кажется, опаздывали?

– Прасковья, у вас юбка,– простонал чертов мерзавец, но я уже зашагала вперед, не оглядываясь на гудящего организмом сноба и мажора.

Услышала за спиной тяжелые, шаркающие шаги. Странно, раньше я вроде не замечала за этим цветущим чертякой, что он чуть ноги волочит.

– Паня, но юбка...

– Мы опаздываем,– поморщилась я. Терпеть ненавижу, когда меня Паней зовут, уж лучше Понькой как зайка. О чем думала моя мама, называя дочь Параскевой, я не знаю. Жить с этим именем оказалось сущим адом. Как меня только не обзывали в школе. А теперь еще мамонт со своей Парашей. Давно собиралась имя сменить, наверное пришла пора.

Седов за моей спиной снова охнул. Я оглянулась и увидела, что ранее цветущий мужик сейчас выглядит фигово. Мертвенная бледность сменилась свекольной краснотой, которая на его физиономии непромытого зеленого колера смотрелась сейчас как клоунский грим. Да и шел он как то странно, молча. Словно проглотив аршин.

– Да что с вами, в конце – концов?– прошипела я, пропуская начальника вперед. Ну, по всем правилам он должен

приветствовать деловых партнеров, да и мне лучше спрятаться за широкой спиной. Не думаю, что турки оценят женщину в рваных колготках, с кровавыми коленями.

– Я сражен и уничтожен. Никогда не видел трусов размера танкового чехла, украшенных на попе медвежатами,— прохрипел чертов поганец, и растянул губы в улыбке, от уха до уха.— Улыбайтесь, да не так. Вы похожи на дебилку в парке каруселей.

– В смысле?— еще не осознавая масштаба бедствий. Но ответа не дождалась. Седов уже остановился возле самого крутого столика в ресторане, и даже успел пожать руку четверым мужчинам жгучей наружности, как говорит Зайчутка.

– Это Прасковья. Сегодня она моя фея и переводчик,— кивнул он в мою сторону. Четыре пары глаз — маслин уставились на меня даже не с интересом. Мне показалось, что я стою голая, и меня свежуют взглядами.

– Знаете, я пожалуй увеличу вам зарплату, Параша,— шепнул мамонт, когда мы наконец уселись за стол. Турки как-то странно приуныли, когда я обвалилась на стул, а Седов задвинул его с такой силой, что я врезалась животом в край стола и забыла как дышать.— Вы сразили красавцев наповал. Теперь их можно брать тепленькими.

– С чего вы взяли? — пискнула я, все еще не дыша.

– С того, что еще никто не приходил подписывать с ними контракт, сверкая задницей в дешевых трусах. Они заценили, кстати.

Глава 5

Глеб Седов

Плохо мне стало еще в машине. В животе будто кашалот поселился, ревуший макарену, с силой в пятьдесят децибел, не меньше. И эта чертова дура рядом, вызывающая во мне бурю дурацких чувств, своими дурацкими оленячьими глазами, смотрит на меня как-то уж слишком пристально и с тревогой. Неужели слышит завывания моего организма?

А еще меня от чего-то до одури бесят масляные глазки сидящих за столом джигитов. Они даже на меня за все время переговоров не взглянули ни разу. Надо запретить этой плюшке такие блузки, и трусы... Точно, трусы тоже запретить. Совсем.

– Господин Нурай говорит, что в принципе, договор их устраивает,— я вздрогнул, вывалившись из своих фантазий в реальность, и тут же почувствовал неодолимое желание посетить уголок задумчивости. При чем по всей вероятности мне придется насладиться незабываемыми мгновениями, потому что к урагану в желудке присоединилась еще адская тошнота.— Глеб Егорович, вы в порядке? – встревоженно спросила поганка.

– Мне нужно отлучиться,— сдавленно прохрипел я, вскакивая со стула.— Даю вам карт-бланш. Договор должен быть подписан, с сохранением всех пунктов.

– Но я...

– Мне плевать, как вы это сделаете, Параша. Я бы на вашем месте просто встал со стула, и они согласятся на все наши условия. Поверьте. Я знаю, что говорю, – борясь с колючим ежом в глотке, просипел я.

Желудок заревел так, что звуки им исторгаемые, стали, кажется достоянием всего ресторана. Черт, с чего меня так крючит? Я даже завтракать не стал сегодня, предвкушая более тонкое гурманство – испуганную плюшку в моей власти. Только чаю попил, которым меня угостила ... Мать твою.

– Что ты подсыпала мне в чай, лишенка? Это была диверсия? Ты с турками заодно? – мой вопрос прозвучал как жалобный стон подыхающего кашалота, но ждать ответа я не стал. Только что низкий старт не принял. Ломанулся в сторону туалета, сметая на своем пути, все, что попадалось, включая несчастного молоденького официанта. Некстати выползшего на тропинку, по которой я ломился, словно носорог к водопою.

Время растянулось, словно резиновое. Спустя, наверное, полчаса, я наконец-то на негнущихся ногах дополз до казенной раковины и с наслаждением плеснул себе в лицо пригоршню ледяной воды. Из ресторанного зеркала на меня уставился зеленый, измученный гуманоид с планеты Борбофигиус, и это не преувеличение. Мне даже показалось, что на моей черепушке шевелятся не волосы, а уродливые щупальца. Я моргнул, морок вроде развеялся. Но осадочек, как

говорится, остался.

– Эй, вы там как? – раздался снаружи тихий голос чертовой чумы, и поскребывание по дверному полотну. – Господин Седов, договор подписан. Турки ушли злые.

– Почему злые? – измученно поинтересовался я. Скорее всего эта дура полностью, провалила сделку. Вот так и просирают бизнес, мать его. При чем, в буквальном смысле.

– Потому что вы исчезли, наверное. А может потому, что я отказалась ехать с ними в хамам, – пискнуло из-за двери толстое недоразумение. – Глеб Егорович, может врача вам вызвать? Вы там давно, я волнуюсь.

– Я сейчас выйду, и убью тебя, – обессиленно пообещал я, чувствуя адскую злость. Только злился я, как ни странно не на гребаную котлетку. А на поганцев компаньонов. Мою помощницу, в хамам? Они, мать их, берега что ли попутали? Я что им сутенер, баб предоставлять для утех? Хорошо, что эти черти свалили, а то бы пришлось их прикопать в ресторанной клумбе.

Живот снова скрутило, а в голове заработал бетонный пресс. Да какая мне к черту половая разница, куда и кто позвал эту толстую идиотку в уродских трусах. Своих проблем полно.

Я дернул защелку на двери, и со всей силы распахнул дверь. Девка как-то всхлипнула и затихла, зажав руками лоб.

– И что же ты не поехала? Когда тебе еще такое предложение поступит? Надо было ловить за хвост свою удачу. Три

горячих парня, в огненном хамаме. Это ж. Мать твою, на всю твою жизнь воспоминаний, – зло прорычал я, прислушиваясь к своему затихшему организму. Живот больше не крутило, зато в крови бурлила такая адская, абсолютно необъяснимая смесь ярости и чего – то непонятного, что хотелось разгромить все тут к чертовой бабушке. А еще, я вдруг увидел нечто, что совсем лишило меня способности мыслить.

– Что с вами? – жалко пролепетала дурища, расплываясь в моих глазах бесформенной амебой. Но я уже смотрел ей за спину, и старался удержаться на обмякших ногах.

– Ты видишь? Обернись и скажи, что вон на том столе происходит, – прошептал я, не в силах отвести взгляда от действия. На ближайшем столике. За которым расположилась компания мажоров, в самом центре...

– Там стоит сет суши, блюдо с морскими дарами и...

– Нет, возле блюда. Ты видишь? – я определенно схожу с ума, ах какая досада. Потому что я видел совсем не омаров и королевские креветки. На столе, в самом его центре, огромный таракан играл на контрабасе Бетховенскую «К Элизе», а другой, в кепке и куртке с логотипом известной фирмы, крутился в нижнем брейке, под неподходящую. Слишком нежную мелодию, и радостно при этом хохотал, наслаждаясь моей реакцией. Бетховен бы, наверняка расстался с глухотой, увидь сей перформанс. Но у меня, лично, по позвоночнику пробежал холодок. Да что там, морозный лед пробежал. Креветки на блюде вдруг зашевелились, и... Боже. – Там танцу-

ют тараканы с креветками, вальс. Параша, вы видите это?

– Да, да, только успокойтесь,– погладила меня по плечу чертова холера,– Пойдемте. Вот так. Сейчас наденем пальтишко.

– Нет, они на нас сейчас нападут, я чувствую,– хныкнул я позорно, схватил за руку Парашу и ломанулся к выходу из ресторана.

– Мы не заплатили,– пискнуло толстое недоразумение. Но я ее не слышал. В моих ушах до сих пор звучал леденящий душу смех таракана – танцора.

– Глеб Егорович, умоляю,– запыхавшись пробухтела плюшка, уже возле машины. Я оперся руками о колени и постарался отдышаться. Свежий воздух и адский бег немного привели меня в чувства.– Да что с вами такое?

– Чай,– прорычал я, – где ты взяла это адское пойло?

– Я же сказала, Варюша вам передала, в качестве извинений.

– Варюша, это один из твоих Оменов? – приподнял я бровь.

– Это моя дочь, я прошу вас более уважительно говорить про моих детей,– выпятила вперед подбородок Прасковья. А у нее красивый нос, и вообще черты лица правильные.

– Как можно говорить уважительно о детях, мать которых вертит задом перед похотливыми мужиками,– простонал я, пытаюсь выглядеть злым и брутальным. – Вы их контузили своими трусами. Параша, вы оружие массового поражения.

Вы и ваши личинки – квинтэссенция зла.

– Что вы имеете...? О, боже,– девка схватилась руками за филейную часть, наливаясь свекольной краснотой. Мне аж стало лучше, ей-богу. Немного еще в глазах все плыло, но я насладился.– Почему вы не сказали мне? Господи, это же все видели мой позор. Вы гад, скот и мерзавец,– прорыдала булка.

– Ладно не ной, терпеть не могу бабьих истерик. Один – один. Вы меня траванули, я умолчал о рваной юбке, – я снял с себя пиджак, подошел к плачущей помощнице и повязал рукава тряпки ценой в истребитель вокруг ее талии. Костюм можно на помойку выкидывать. – Теперь твой тыл скрыть от жаждущих глаз, детка. Хотя, кроме турков на него вряд ли найдутся желающие. Там стандарты красоты – гиппопотам в панталонах.

– Спасибо, что не хавронья,– хлопнула шикарным носом Паня.– Вам так нравится меня унижать? Знаете почему, потому что вы надолбленный, закомплексованный, зажавшийся поганец и хмырь.

– Пиджак вычту из зарплаты,– плюнул я, усаживаясь в машину.

– Крохобор,– тихо прошептала дурында.– Я то думала, что в вас еще осталась крупница человечности. Ошиблась. Жаль.

– Я все слышу. И учтите, тараканов я вам не прощу.

– И не надо. Вы бы с ними договорились, что ли. Трудно

жить с жильцами в голове, которые...

– Закрой свой рот, или это сделаю я – зарычал, схватил эту дуру за грудки, притянул к себе, и ...

Прасковья

– Что вы задумали? – обморочно простонала я, загибаясь от страха и при этом от острого желания почувствовать вкус чертова мужлана. Уставилась на маленькую трещинку на каменной губе мерзавца, молясь всем богам о пощаде.

– Мужик сказал, мужик сделал. Я обещал, что заткну твой болтливый рот, котлетка, – хмыкнул Седов, от чего уголок его губ дернулся, а у меня в животе свилась тугая огненная пружина.

Нет, нет, нет. Только не это. Я дернулась в лапищах мамонта, увидев его приближающуюся к моему лицу физиономию. Любимая блузка жалко затрещала тканью, и обвисла в руках моего мучителя кружевными лоскутами. Он удивленно посмотрел на руины кофточки из батиста, словно осмысливая происходящее, перевел взгляд на мою персону и как-то странно захрипел. Интересно, чего это с мамонтом? Неужели снова увидел танцующих тараканов?

– Прасковья, вы сегодня в ударе. Точнее, это меня сейчас хватит удар, боже, у вас и лифчик с мишками, о боже, – простонал Глеб Егорович, но даже тогда я не поняла масштаба бедствия. Видимо потрясения последних дней пагубно сказались на моих и без того не самых выдающихся, умственных способностях.

– Откуда вы ...? – тупо спросила я, и наконец – то осознала, что сижу перед одуревшим мужиком практически в чем меня родила мать. – Отвернитесь, черт бы вас подрал, – уже взвизгнула, пытаясь прикрыть руками свои перси четвертого размера, которые я ненавижу всей душой. Женщины мечтают о большой груди, а я ее ненавижу. Белье подобрать проблема, спина болит, одни неудобства короче от красоты. Но мамонт замер на месте, вперившись глазами в прикрытые трикотажной тканью молочные железы и задумчиво замолчал.

– Руки, – наконец отвис мерзавец.

– Что?

– Только не убирай руки. Знаешь, я вспомнил, у меня есть рубашка запасная. Всегда вожу с собой, – сдавленно просипел мой начальник и полез в портфель, который зачем – то положил себе на... Ну туда, где у мужчин на брюках ширинка. – Придется таскать теперь с собой чертов кейс постоянно, что ли? Слушай, может зря ты в хамам не поехала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.